

Владимир
Полупанов

**АРТИСТЫ
ТЯЖЕЛОГО
ПОВЕДЕНИЯ**

Владимир Полупанов

Артисты тяжелого поведения

ИД «Городец»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2РОС=РУС)6

Полупанов В. В.

Артисты тяжелого поведения / В. В. Полупанов — ИД «Городец»,
2020

ISBN 978-5-6042629-9-3

Владимир Полупанов – бессменный музыкальный обозреватель газеты «Аргументы и факты», один из участников «Акул пера» – той самой телепередачи из 1990-х, где музыкальные критики устраивали «прожарку» поп-звездам. Но главное в его биографии то, что он был не только свидетелем и летописцем, но и участником многих событий, которые теперь вписаны в историю нашей популярной музыки и культуры. Под обложкой своей первой книги «Артисты тяжёлого поведения» Владимир Полупанов собрал свои воспоминания о встречах с тяжеловесами музыкальной индустрии. Острое интервью с продюсером Владимиром Киселёвым публикуется впервые. Рядом с ним на страницах книги – его оппонент в музыкальных баталиях Игорь Крутой. Мало кому из журналистов доводилось несколько раз на протяжении карьеры поговорить по душам с Аллой Пугачёвой, Владимир Полупанов из их числа. Здесь же – многолетняя «война» с Филиппом Киркоровым и суд с Лолитой и Александром Цекало. А между сводками с фронтов шоу-бизнеса – байки об Отаре Кушанашвили, Иванушках Int. и прочих друзьях-приятелях, пропитанные свойственной Полупанову иронией, – она сопутствует любому тексту за его подписью. Кульминация «Артистов тяжёлого поведения» – не публиковавшееся ранее целиком интервью Сергея Курёхина, которое переводит всё, описанное Полупановым, в категорию тотального абсурда. О нашей музыке – только так и писать. Книга содержит нецензурную брань. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-3
ББК 84(2РОС=РУС)6

ISBN 978-5-6042629-9-3

© Полупанов В. В., 2020

© ИД «Городец», 2020

Содержание

Как бы предисловие	7
Нечто вроде вступления, или Коротко о себе любимом	8
Курьёзы «Славянского базара»	12
Кабаре-дуэт «Академия» против «АиФ»	14
Лолита Милявская и «авторитетный бизнесмен из солнцевских кругов»	17
Игорь Крутой – «человек с тонкой душевной организацией»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Полупанов

Артисты тяжёлого поведения

© Полупанов В., 2020

© ИД «Вездец», 2020

* * *

Как бы предисловие

Мой светлейший папаня так аттестовал лучших в его светлейших глазах людей: «Может, у них и нет трильонов, зато они без мути в душе, и соплей их не перешибить». Я, сын своего светлейшего папани, именно эти слова под присягой повторяю про Володю Полупанова, с которым всякий раз открываю для себя величие дружбы наново.

Его, моего закадычника ненаглядного Володи Полупанова, истинный пафос – отсутствие даже и намёка на пафос; он мог бы про себя сказать, как один первостатейный пиит: «Мой канон – ирония».

Полупанов обладает снайперской реакцией и, как выяснилось при чтении одного манускрипта, долгой и очень подробной памятью.

С Полупановым у нас свои «печки-лавочки» уже (силы небесные!) почти три десятилетия. Этого могучего стариканыча одним знанием значения слова «детерминизм» не проймёшь. Ему хочется, чтобы человек на поверку оказывался именно Человеком, а не скотиной. Мы и в том сошлись, что, знаете, очень, зело не любим скотов. Я ещё бы читал Полупанова регулярно, но никогда не мыслил его писателем, да еще «выжигающим вокруг всё живое». Его книженция – и документ, и портрет эпохи; скрупулёзный документ и живописный, выпуклый портрет. У каждой эпохи свои переполохи, и мы с ВП даже с упоением и бестрепетностью участвовали во многих. Надо же, с какой точностью и любовью он их зафиксировал; кондуит, что ли, вёл мой любимый златосердый прощелыга.

Понятно, что «иных уж нет, а те далече», но и славных людей, и людишек потерянных Полупанов живописует упоительно ярко и метко. Например, меня. Я и по сегодня-то частенько изображаю колосса, забывая про глиняные ноги, а представьте, каким упоительно несуразным фря я был о ту пору, в те баснословные времена.

Полупанов иронизирует и по поводу меня, и по поводу Айзеншписа, и по поводу самих времён. И делает это эффектно и эффективно. Меня несказанно радует, что это итоги всего-навсего (но и не менее) промежуточные, а ВП уже так научился излагать, будто к его письму подключили электричество. Я вспоминаю наши приключения-злоклучения, наши лукулловы пиры, слёзы и травмы, полученные в битвах за выживание, и светлею рожей. Мой друг пишет точно и истово о своей неистойвой временами «жисти», и радуется, что он ещё в лучшем смысле не перебесился.

Отар Кушанашвили, 31.01.2020 г.

Нечто вроде вступления, или Коротко о себе любимом

Как это часто бывает, идея становится навязчивой, если вам её все время нашёптывают разные голоса. У меня такими «голосами» были друзья, которые после публикации постов в фейсбуке твердили мне: пиши книгу. Сначала я не очень понимал: зачем и, главное, о чём? Ведь и так много пишу – на сайт aif.ru и в собственно бумажную версию газеты «АиФ», где тружусь с 1993 года, ну и, конечно, в фейсбук. Да и кто сейчас читает книги журналистов? Толстого с Набоковым редко открывают. Такие сомнения одолевали меня всякий раз, как только я начинал думать в этом направлении.

В 2017 году я выступил на Фестивале молодёжи и студентов в Сочи. По окончании мастер-класса ко мне подошла молодая барышня со словами: «У вас интересный контент. Почему вы не напишете книгу?» – «Наверно, пора», – ответил я. На прощание девушка вручила мне свою визитку, где было указано, что она представляет компанию SpeakersHub, специализирующуюся на «промоушне» и организации гастролей различных спикеров.

«В конце концов, – вспомнил я слова Кита Ричардса из книги «Жизнь», – не нужно плыть против течения, ты не лосось». Если течение несёт тебя в эту сторону, расслабься и получай удовольствие.

Накануне своего 50-летия (27 февраля 2020 года) я основательно задумался на тему книги. И всё произошло само собой. Мне почти не пришлось тянуть себя за уши и специально что-то выдумывать. Я просто сидел за ноутбук, вспоминал истории о людях, так или иначе связанных с музыкой. Очевидцем и участником большей их части я был сам, какие-то мне рассказали друзья-музыканты. Часть историй подкреплена публикациями (рецензиями, интервью, репортажами), без которых они были бы неполными или непонятными. А иногда, как в случае с Сергеем Курёхиным, беседа с музыкантом сама по себе – история.

Не всякому журналисту Алла Пугачёва давала большие интервью. Мне в этом смысле посчастливилось. И не один раз. Знакомство с этой великой певицей для меня – знаковое событие. Поэтому не могу отказать в удовольствии процитировать наши беседы с ней полностью.

Интересно было погрузиться и проанализировать причины непростых отношений с Игорем Крутым и Филиппом Киркоровым, вернуться к весёлым гастролям с «Иванушками» и поездкам с Отаром Кушанашвили, наполненным абсурдом. Перечитывая спустя время свои едкие рецензии, обидевшие ряд артистов, понимаю, что я был не так уж и не прав. «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии. Когда кипит морская гладь», – утверждал Есенин.

Всё пытаюсь понять, что повлияло на мой музыкальный вкус, мою любовь и даже страсть к музыке, а в итоге и на выбор профессии – музыкальный обозреватель. У нас дома никто не пел и не играл ни на одном инструменте. Мама рассказывала, что мой биологический отец поигрывал на трубе. Но мне было пять лет, когда батяня махнул нашей семье ручкой и укатил странствовать по квартирам разных женщин. Я его почти не помню. Так что его игра на трубе не оказала на меня никакого музыкального воздействия.

Перекапывая по весне бабушкин огород в посёлке Белые Воды (Чимкентская область, Южный Казахстан), где я провёл детство и часть юности, я слушал и подпевал Владимиру Кузьмину и его группе «Динамик», включая на полную громкость катушечный дядин (Сергея Хорошилова) магнитофон «Нота». Или вытаскивал колонки проигрывателя «Аккорд» на подоконник, открывал окна и заводил виниловый миньон группы «Карнавал» с тремя песнями – «Внезапный тупик», «Пустое слово», «Я знаю теперь». Так я пытался привлечь внимание проходивших мимо бабушкиного дома из школы домой девчонок, которые мне нравились. Позже мама купила мне шестиструнную гитару, на которой я подбирал аккорды к песне «Ветерок»

группы «Воскресенье» или пел с завываниями, подражая манере Владимира Кузьмина, песню «Капюшон», хит группы «Диалог» «Скачет заяц в облаках».

Уроки музыки в ташкентском спорт-интернате (РОШИСП им. Титова – Республиканская общеобразовательная школа-интернат спортивного профиля), в котором я учился с 7-го по 10-й класс на отделении футбола, вспоминаю с теплотой потому, что преподавала их озорная Марина Щепетьева. Её занятия были гораздо глубже и шире школьной программы. Петь нам приходилось советскую классику. Не видел в этом ничего зазорного ни тогда, ни сейчас. Из дня нынешнего на фоне одноразовых штамповок, которые становятся поп-хитами нынче, эта классика вообще кажется шедевальной.

Так что на мой музыкальный вкус уроки музыки тоже почти не повлияли. Может быть, даже больше на меня воздействовали уроки Арнольда Наумовича Зисмана, учителя алгебры и геометрии, который был страстным коллекционером музыки. Он мог вместо скучной геометрии посвятить все 45 минут урока рассказу о «Битлз», «Пинк Флойд» или «Лед Зеппелин». Об этих группах информации тогда, в 80-х, было не так много. Поэтому мы слушали его, открыв рты. Мир музыки и музыкантов виделся мне бесконечным космосом, манящей Вселенной.

В старших классах я был секретарём комсомольской организации, что давало мне неограниченный (почти круглосуточный) доступ к аппаратуре для дискотек и музыкальным записям. У меня были ключи от каморки, где всё это богатство хранилось. По вечерам я вёл дискотеки для учащихся-спортсменов, а все свободное время, которого было не так много, составлял сборники, сепарируя музыку. Мой одноклассник Боря Брагинский (отделение спортивной гимнастики) притаскивал из дома бобины с записями «Аквариума» и «Зоопарка», «Кино» и «Наутилуса Помпилиуса», Talk Talk и a-ha, Talking Heads и Depeche Mode, 10 CC и Duran Duran. Мы садились в каморке, слушали волшебные звуки и растаскивали песни на цитаты: «Мы движемся, как призраки фей по трамвайным путям», «Долгая память хуже, чем сифилис, особенно в узком кругу» (БГ). Помню, как Боря завидовал мне, когда я ему похвастался, что впервые взял интервью у БГ. Говоря откровенно, я сам себе завидовал.

У электрика-инженера спорт-интерната я скупил большую коллекцию записей хорошего качества, стилистически разнонаправленных, среди которых были альбомы Pink Floyd, Питера Гэбриела, E.L.O., Eloy, Rockets, Kraftwerk, Telex, Z Z Top, Animals, AZIA, Supermax и т. д. Это было такое счастье – словами не передать! Это сейчас всё имеется даже не в шаговой доступности, а на расстоянии локтя. Протяни руку, возьми смартфон – и все записи мира в твоём распоряжении. Тогда обладание новым альбомом топового музыканта приравнивалось к обладанию «мерседесом». Я, конечно, немного утрирую. Но музыкальные записи приходилось доставать с большим трудом.

С другим моим одноклассником по спорт-интернату, Димой Самофаловым, мы мечтали создать свою рок-группу. Ходили на экскурсии в ташкентский ЦУМ и приценивались к музыкальной аппаратуре и инструментам, которые там продавались. Денег на их покупку у нас не было. И мы приобретали лотерейные билеты в надежде на то, что выиграем нужную нам сумму. Мы так и не разбогатели на лотерее «Спортлото» и группу не создали. Но эти мечты привели нас к занятиям так или иначе связанным с музыкой, – Дима окончил музыкальное училище, прекрасно играет на гитаре и ныне рулит магазином музыкальных инструментов в Питере, а я стал музыкальным журналистом.

Я коллекционировал музыку лет с четырнадцати. Сначала на бобинах и виниловых пластинках, затем на компакт-кассетах, а в эпоху «цифры» на CD. Я был всеядным, слушая всё подряд – глэм, металл, фанк, нью-вэйв, регги, симфорок, электропоп и, конечно, русский рок. К чему я был абсолютно равнодушен, так это к советской эстраде и российской попсе. Но и в этот пласт я глубоко погружался, потому что вёл дискотеки, в которых такая музыка была кстати.

Первая запись в моей трудовой книжке – «техник-конструктор» в ГСКБ (Головное специализированное конструкторское бюро) «Овцемаш». В мои обязанности входило мастерить по чертежам макеты КШК (копатель шахтных колодцев). Вторая запись – «руководитель дискотеки» в беловодском ДК «Машиностроитель».

Самостоятельно оттачивая перед зеркалом движения, я учился танцевать, а потом открыл студию брейк-данса, где преподавал детям. Она просуществовала всего полгода, потому что потом меня забрали в армию. Но даже во время службы я умудрялся проводить корпоративные праздники для офицерского состава – сам писал сценарии и играл Деда Мороза на утренниках в детсадах для офицерских детей и Доме офицеров в Туле.

Во время службы я даже умудрился попасть на концерт Константина Кинчева и Петра Самойлова в тульском ДК, где впервые услышал песню «Голубой банщик» («Он потрёт вам спинку, он подаст вам пива, чистую простынку он игриво развернет, как Кио...»). Это я всё к тому, что музыка в том или ином виде всегда присутствовала в моей жизни.

Отдав долг Родине (отдельный батальон связи ВДВ Тульской дивизии) весной 1990-го, я «десантировался» на гражданку с твёрдым желанием стать музыкальным журналистом. И нацелился сразу на факультет журналистики МГУ. Чего мелочиться. Музыкального образования я так и не получил, но его нет у многих музыкантов – Андрея Макаревича, Юрия Шевчука, Вячеслава Бутусова, Виктора Цоя, Бориса Гребенщикова и т. д. Чего далеко ходить? Самый известный музыкальный критик Артемий Троицкий по образованию «математик-экономист». Так что мои музыкальные университеты, как говорит в таких случаях Валерий Сюткин, – это прослушивание музыки и работа над собой на основе услышанного. В конце концов, я пишу не про ноты, а про людей.

Мне казалось, да и теперь я так считаю, что ничего более совершенного, чем музыка, в области искусства не существует. Я всегда черпал оттуда энергию. Но люди, сочиняющие или играющие её, несовершенны. И в этом особый кайф! Евгений Маргулис в интервью мне сказал: «Если тебе нравится музыкант, лучше с ним не знакомиться. Потому что огромное количество нашего брата – мудаки».

За долгие годы работы в этой сфере, близко сталкиваясь с музыкантами, авторами песен, певцами и продюсерами, я, наоборот, научился быть снисходительным ко всякого рода аномалиям, порокам, дурным привычкам, характерам и поступкам. Во мне это всё тоже есть. В юбилейном интервью (на 50-летие) Дмитрий Маликов обронил фразу: «Это всё за грехи мои». – «Неужели так много грехов, Дим?» – удивился я. «Грехов у всех много», – ответил он.

Поэтому никого не осуждаю и не занимаюсь морализаторством. В конце концов, писать о правильных нравственных людях – скукота. Прочитав эту книгу, вы поймёте, почему она названа «Артисты тяжёлого поведения». Умный читатель разглядит в этом иронию, недалёкий герой обидится в очередной раз.

В этой сфере, конечно, хватает фальши, вранья и грязи. Но этого всего существенно меньше, чем, скажем, в области политики. И мне это нисколько не мешает любить всех этих людей. Счастье находиться среди них, общаться и писать, пусть даже иногда у нас возникают конфликтные ситуации. Есть о чём писать, в конце концов.

В конце 80-х – начале 90-х расплодилось огромное количество изданий, объединённых общим словом «самиздат». Одной из первых газет, с которой я начал сотрудничать, было как раз самиздатовское чёрно-белое издание «Тус ОК», печатавшееся в Смоленске на отвратительной бумаге. По качеству печати газета напоминала заводскую малотиражку из дремучего советского прошлого. Но это был первый опыт. Писать туда можно было обо всём, о чём заблагорассудится. Пусть немного, но за это ещё и платили.

В студенческий период я работал дворником на Зубовском бульваре, в Померанцевом переулке и параллельно писал для журналов «Смена», «Музыкальная жизнь», «Столица». На гонорары, которые мне платили в этих изданиях, прожить было невозможно. Зарплата двор-

ника была моим основным источником дохода до тех пор, пока в феврале 1993 года я не стал сотрудничать с молодёжным приложением «АиФ» – газетой «Я молодой». С августа 1993 года меня взяли в штат еженедельника «Аргументы и факты», которому служу по сей день верой и правдой (по крайней мере, на февраль 2020 года это было так).

Хочу высказать слова признательности и благодарности моему первому редактору Николаю Солдатенкову, который бережно относился к моим текстам. Да и вообще, прекрасная была пора в газете «Я молодой», которая являлась инкубатором молодых талантов и настоящей журналистской вольницей. До сих пор встречаю поклонников нашего издания, сильно повзрослевших вместе с авторами.

Также хочу отметить огромную роль, которую сыграл в моей журналистской судьбе Владислав Старков (основатель и первый главный редактор газеты «Аргументы и факты»). Владислав Андреевич, которого не стало 4 декабря 2004 года, был моим главным учителем журналистики. Уже в статусе штатного сотрудника «АиФ» я принес Старкову одно из первых интервью – с Ириной Аллегровой. Главред прочитал текст, а потом отчитал меня за то, что материал получился слишком комплиментарным.

«Никогда не пресмыкайся перед артистами, – наставлял Старков, – уважать не будут». То интервью главный редактор «завернул» (оно не было напечатано). Это послужило мне хорошим уроком, и таких мастер-классов Старкова было много. Под его руководством «АиФ» стал самым массовым и авторитетным еженедельником в стране, попав в 1990 году в Книгу рекордов Гиннеса с тиражом 33,5 млн. экземпляров.

Я пришёл в издание спустя три года после установления этого рекорда. Но тираж еженедельника по-прежнему был запредельным, хотя и снижался год от года, что совершенно естественно в эпоху появления интернета и тотальной цифровизации. Как бы пафосно это ни звучало, но я счастлив, что соприкоснулся и верно служу столько лет легендарной газете.

Старков придумал формат газеты и создал такие комфортные условия, что у меня никогда не возникало мысли уйти из «АиФ», даже когда он перестал быть главным редактором. Владислав Андреевич был человеком с непростым характером (его побаивались, ему льстили), но прекрасным наставником, очень творческим человеком и генератором идей. Было чему поучиться у него. В каком-то смысле считаю его соавтором этой книги. И чувствую перед ним свою вину, хотя я был такой не один и к тому же извинился за свой поступок – меня уговорили подписать «подмётное письмо» против Старкова, когда он с газетой расходился. Не хочу вдаваться в детали этого грандиозного конфликта, в результате которого сотрудники издания продали свои пакеты акций, и у газеты началась другая, совсем не простая жизнь с новыми хозяевами. В марте 2003 года мы со Старковым случайно оказались в одном самолёте, который летел в Ниццу. Я летел в командировку с выпускниками «Фабрики звезд» – группой «Фабрика», Мишей Гребенщиковым и Юлией Бужиловой (есть даже смешное видео, снятое Мишей, как мы пьём вино на набережной Круазетт). Старков со свитой летел на отдых в свой дом в Монте-Карло. Мы провели почти целый день, покатавшись по Монако и пообедав в одном из монашеских ресторанов. В финале дня мы выпили кофе в одной из кофеен города Канны, недалеко от моего отеля. И тогда я попросил у него прощения за свой поступок. Старков меня простил. Он был большой личностью и на самом деле хорошим человеком.

P.S. Не судите меня строго за эту книгу, это не «высокооктановая», выражаясь языком Отара Кушанашвили, беллетристика. Всё, чего я хотел добиться, так это просто развлечь вас немного. Поэтому развлекайтесь.

Курьёзы «Славянского базара»

Летом 1993 года я отправился в свою первую командировку как штатный журналист «АиФ» на фестиваль «Славянский базар» в Витебск. Это был формат пресс-тура – всё за счёт организаторов, в редакции мне даже не выдали суточных. Кормили нас в столовой по талонам, разместили в какой-то общаге по двое.

Откровенно говоря, у меня не было опыта освещения таких мероприятий. Во-первых, сам «Славянский базар» показался мне скучным, пафосным и фальшивым мероприятием. Во-вторых, в редакции от меня не ждали никаких материалов. Поэтому я на фестивале откровенно бездельничал – бывал не на всех концертах. Но на обязательных в таких случаях «Звёздных часах» (по сути, пресс-конференциях с артистами-участниками) посиживал. Большую часть времени проводил в общении с разными людьми, нарабатывая контакты и связи «на полях саммита». Ничего больше крохотной заметки «Курьёзы «Славянского базара» я родить не смог. Правильнее будет сказать, что под мою публикацию было выделено так мало места в № 31 «АиФ» за 1993 год, что пришлось укладываться в размер. Это стало и моим дебютом в самом «АиФ».

«В скромном белорусском городе Витебске только что завершился фестиваль «Славянский базар», в рамках которого проходил конкурс молодых исполнителей популярной песни, – писал я. – Среди почётных гостей фестиваля, а также в составе жюри были достаточно известные люди: Надежда Бабкина, Игорь Николаев, Махмуд Эсамбаев и другие. Фестиваль подарил массу курьёзов. Игорь Николаев, например, призывал журналистскую братию: «Давайте на «Славянском базаре» поменьше употреблять иностранных слов! Окей?»

Махмуд Эсамбаев был многословен: «Меня избрали президентом Союза деятелей эстрады за то, что я добрый и хороший. Я в своё время восемь лет бегал лебедем (*танцевал «Лебединое озеро»*. – В.П.). Охмурить 15 республик, не имея красивой морды, мог только Эсамбаев. Так как я всё же «чучмек» в какой-то степени, то я иногда путаю буквы «А» с «Е», «О» с «И». Поэтому «рок», «шмок» я не понимаю. И телевизор не могу смотреть. Включаешь его, а там: «А-А-А!!» Рок орут».

После одного из концертов за Эсамбаевым прислали «Чайку» с нетрезвым водителем. Народный артист в папахе пытался сесть в машину, но водитель, не признав в нем известного человека, кричал: «Меня за артистом прислали, а ты куда лезешь, чурка!»

Бари Алибасов, представляя солистов группы «На-На», произнёс: «А это Владимир Лёвкин – ветеринар группы». Филипп Киркоров тоже отличился, представляя девушку Машу, работающую у него на подпевках: «По крайней мере, от неё не тошнит». Будем считать, что артисты, как и журналисты, позволили себе расслабиться».

Я написал свой лучший фестивальный репортаж, если судить о резонансе, который он вызвал. В день выхода газеты мне позвонила пресс-атташе фестиваля, дама, обладавшая большой коллекцией шляп, – Татьяна Бутковская. Она грамотно изобразила гнев, спросила, не надоело ли мне жить. А в финале разговора пригрозила, что несколько «кавказских головорезов» обязательно приедут ко мне в редакцию и отомстят за уважаемых людей, которых я обидел.

Никакие головорезы, ясное дело, никуда не приехали. Через несколько дней я всё-таки отважился позвонить Игорю Николаеву с предложением сделать с ним интервью, загладив тем самым свою вину. Он сказал, как отрезал: «Я понял, что вы за человек. Из моей речи вы выдернули одну фразу и выставили меня дураком. Не хочу иметь дело с вами». Думаю, сам Игорь уже давно забыл про эту историю. По какой-то иронии судьбы первое интервью с Николаевым я записал только в январе 2020 года к его 60-летию юбилею. Мы с ним проговорили три часа. «Сколько у нас есть времени?» – спросил я его в начале беседы, когда мы сидели 12 января в

лобби-баре «Гранд Марриотт отеля». «Да хоть до 12 часов ночи, – ответил он. – Это ведь наше с тобой первое интервью. Видимо, до сей поры я тебе был неинтересен».

В 93-м году я почти не представлял, кто такой Махмуд Эсамбаев. Это сейчас можно погуглить и получить полную справку. Тогда Википедии под рукой не было. Я знал лишь, что Эсамбаев когда-то прекрасно танцевал. Но на «Славянский базар» он приезжал в качестве вышедшего на пенсию ветерана сцены.

Мы ехали в одном поезде из Москвы в Витебск. И, проходя мимо купе Эсамбаева, я увидел пожилого человека в майке-алкоголичке, черных сатиновых трусах. Его голову украшала папаха. Это было очень комично. Тогда в этом пассажире я не разглядел уважаемого и заслуженного человека, о чём, конечно, спустя годы жалею. Ведь мог сделать с ним интервью. Думаю, он был умным, интересным и ироничным собеседником. Ах, если бы молодость знала и старость могла.

Говоря современным языком, я поймал хайп благодаря репортажу. Но на «Славянский базар» меня больше ни разу не приглашали.

Кабаре-дуэт «Академия» против «АиФ»

Ещё одна моя крошечная заметка имела большой резонанс. Она была набрана в приложении к «АиФ» – «Я молодой» (№ 10, 1996) в рубрике «Новости» таким мелким шрифтом, что под лупой не разглядишь. Но Лолита Милявская и Александр Цекало её не просто разглядели – обиделись и подали на меня и газету в суд.

«В феврале кабаре-дуэт «Академия» выступал в американском городе Атлантик-Сити, – писал я. – Концерт проходил в одном из залов огромного отеля «Бэйлис» при стечении эмигрантской публики, говорящей на русском языке. Почувствовав дух свободы, «академики» позволяли себе маленькие вольности. Например, высказывались в том духе, что завидуют людям, перебравшимся на ПМЖ в Штаты, ибо в России настолько всё плохо. Лолита, чтобы потрафить вкусам публики, продемонстрировала своё великолепное знание английского языка, произнесла в адрес партнёра фразу: «What the fuck are you doing?» В остальном же выступление ничем не отличалось от любых других фонограммных концертов «Академии».

Именно последний пассаж больше всего обидел артистов. Кстати, в Америке я оказался благодаря Старкову. Факультет журналистики МГУ отправлял на трёхмесячную стажировку в Италию несколько журналистов. В числе претендентов был и я. Я уже принялся учить итальянский язык, готовясь к поездке в Италию, но Старков категорично заявил: «На три месяца?! Не отпущу».

Но потом предложил компромисс: «Хочешь за границу? Оформляй командировку в любую страну мира на две недели». – «Что? И в США можно?» – не поверил я своему счастью. «Да хоть в Австралию. Но ты должен привезти из командировки не меньше трёх материалов», – заявил он. В США меня влекло по одной простой причине – я очень хотел увидеть своего дядю Сергея, который вместе с семьёй перебрался туда в 1994 году.

Помню, вот были времена, в кассе «АиФ» мне выдали в качестве командировочных (суточные, представительские, на гостиницу и т. д.) 10 тысяч долларов. Можно было потратить всю сумму. «Главное – привези чеки для отчётности», – предупредили меня в бухгалтерии. С этой задачей я прекрасно справился, кстати говоря.

Одним из материалов, привезённых из командировки, как раз и явилась заметка про концерт «Академии».

Гуляя по Брайтону, я случайно нос к носу столкнулся с Михаилом Плоткиным, работавшим в свое время с ВИА «Весёлые ребята», «Самоцветы», «Лейся, песня», основателем и худруком ВИА «Надежда», впоследствии продюсером группы «Теле-поп-шоу», а на тот момент безработным эмигрантом. В разговоре я упомянул, что мы (с дядей и тётёй) собираемся «развезаться» в Атлантик-Сити (мини-филиале Лас-Вегаса).

«А не хочешь ли ты сходить на концерт кабаре-дуэта «Академия?»», – неожиданно спросил Плоткин. «Почему бы нет», – ответил я. Так мы по протекции Плоткина оказались в первом ряду концертного зала отеля «Бэйлис». Высидели ровно три песни и отправились гулять по Атлантик-Сити. Заметку о концерте «академиков» я писал уже в Москве. Это был третий материал, привезённый из США.

После публикации главному редактору газеты «Я молодой» Николаю Солдатенкову позвонил возмущённый Александр Цекало. Не знаю, что на самом деле сказал ему Солдатенков. Мне этот разговор Коля передал так: «Звонил Цекало, просил тебя наказать за недостоверную информацию и неуважение к артистам. А если я тебя не накажу, они подадут в суд». – «И что ты ему сказал?» – уточнил я. «Я его послал далеко и надолго». Вскоре пришло письмо на имя Солдатенкова (копия Старкову), где было сказано, что «помимо того, что данная публикация носит открыто неприязненный характер, по сути изложения унижает достоинство как артистов кабаре-дуэта «Академия», так и организаторов концерта компанию People

Travel Club (США). Автор публикации и редакция позволили себе обнародовать фразы, произвольно выбранные из контекста выступления. Более того, в резолютивной части публикации сделано обобщение о том, что якобы кабаре-дуэт «Академия» постоянно выступает под фонограмму, что, во-первых, не соответствует действительности, так как все концерты артисты поют сами, своими голосами, а не открывают рот под уже записанный голос. Во-вторых, именно так происходил указанный в публикации концерт в Атлантик-Сити. В-третьих, компания People Travel Club никогда не организует сольных концертов на основе обмана, то есть под фонограмму... С учётом нанесения серьёзного ущерба репутации и профессиональной чести и достоинству кабаре-дуэту «Академия» настаиваем также на публикации аналогичного (*то есть не только в приложении «Я молодой»*. – В.П.) опровержения на первой полосе газеты «Аргументы и факты».

В общем, в результате Колиного «посылания» я оказался в Басманном суде в компании с редакционным адвокатом Михаилом Александровичем Гофштейном (царствие небесное). Михал Саньч имел большой опыт по уголовке, а по гражданским искам почти не работал. Так что опыта такого не имел. Иск о защите чести и достоинства был у него впервые. Как, собственно, и у меня. Это был мой первый и пока, слава богу, единственный суд.

«Академики», в отличие от нас с Гофштейном, хорошо подготовились. Их защищала опытный адвокат Лариса Мове. К тому же Лола и Саша привели в суд в качестве звёздных защитников своих друзей, среди которых были Игорь Крутой, Тигран Кеосаян, ведущий и автор музыкальной «Программы А» Сергей Антипов (что он там делал, ума не приложу), организатор концертов «Академии» в США.

Перед заседанием ко мне подошёл Тигран Кеосаян и извиняющимся тоном сказал: «Старик, ну ты же понимаешь, я к тебе хорошо отношусь, уважаю и всё такое, но есть какие-то вещи...» Цекало был настроен воинственно. Лола до входа в зал была более приветливой. Но во время процесса разыграла прекрасную театральную постановку. Срывающимся голосом, с надрывом она говорила про то, что ей петь осталось всего 3–4 года максимум. А потом её голо-совые связки не выдержат. «По миру пойду», – чуть ли не причитала Лола. В какой-то момент она пустила слезу. И я тоже чуть не прослезился. На судей спектакль произвёл неизгладимое впечатление.

Звёздные защитники в один голос утверждали, что «академики» честные люди и НИКОГДА не выступают под фонограмму. Суд мы с Гофштейном проиграли. После заседания Лолита Милявская даже сказала мне что-то примирительное. Цекало по-прежнему был воинственен.

Согласно решению суда, из моей зарплаты вычли треть. «АиФ» заплатил по тем временам сумму, равную полутора тысячам долларов. Это были небольшие деньги для богатого издания. Но Старков не мог этого простить. С мрачным выражением лица он выслушал наш с Михаилом Александровичем рассказ о суде. «Ты записал на диктофон всё, что говорили в суде истцы и их друзья?» – поинтересовался главред. «Нет, Владислав Андреевич», – ответил я. «Ну и зря», – произнёс Старков.

После чего дал команду «мочить» всех «обидчиков», выступивших против «АиФ». В числе авторов, привлечённых для сведения счетов, был ангажирован и музыковед Сергей Гурьев, написавший упоительную по своей поэтичности и цветистости развернутую рецензию на творчество «Академии» «Трудно быть с волком» (*№ 14, 1997*). «В беспросветно-элитарном прошлом дуэта Лолита в большей степени находилась на своём месте, а вот в нынешнем имидже Лайзы Минелли она чувствует себя как ягнёнок в волчьей шкуре, – писал коллега Гурьев. – Профессиональный клоун Цекало, напротив, обрёл себя в классической, всем известной «Академии», пошедшей навстречу жаждущему хлеба и зрелищ народу. Он абсолютно органичен в роли кривляющегося паяца, а попытки тонкой и изысканной Лолиты ему мимически соответствовать более наигранны и выдают кропотливую работу перед зеркалом. С каким наслажде-

нием она каждый раз исполняет на концертах песню Лоры Квинт «Родные» – островок вожделенного драматизма в океане отточенной пошлости!»

Лолита Милявская и «авторитетный бизнесмен из солнцевских кругов»

Спустя четыре года после суда брак Милявской и Цекало дал трещину. Я одним из первых узнал об этом и решил поделиться с читателями газеты информацией о разводе и новом романе Лолиты. На последней полосе майского (*№ 18*) «АиФ» за 2000 год был запланирован материал в жанре «Вопрос – ответ», озаглавленный «У наших певиц – губа не дура». «Читательница» Е. Забродина из Таганрога якобы интересовалась: «Среди эстрадных певиц в последнее время наблюдается тенденция обновлять мужей. Чем же певиц не устроили прежние супруги – не сошлись характерами или нынешние оказались состоятельнее?»

«Так как про свою личную жизнь знаменитости говорить не любят, – отвечала на вопрос любознательной читательницы редакция, – приходится довольствоваться сплетнями и слухами. Поговаривают, что Лолита Милявская действительно живёт с 33-летним Арнольдом (*фамилия Спиваковский названа не была. – Авт.*), который является одновременно студентом одной из столичных юридических академий и весьма состоятельным человеком, хорошо известным в солнцевских кругах...»

Далее в материале через запятую были перечислены союзы Маши Распутиной и Виктора Захарова, Натальи Ветлицкой и Сулеймана Керимова, Лады Дэнс и Павла Свирского, Кати Лель и Александра Волкова, названы имена избранников Лики Стар, Светланы Лазаревой, Жасмин и экс-участниц «Стрелок».

Кем был новый бойфренд Лолиты, сегодня можно узнать без труда, погуглив его имя. Информация гласит, что Спиваковский успел поработать заместителем генерального директора гостиницы «Пекин», руководил отелями «Космос» и «Интурист» (будучи председателем советов директоров). 12 марта 2019 года он скончался в Испании в возрасте 51 года при странных обстоятельствах. Перед смертью Спиваковский похудел более чем на 40 кг. А за два года до его смерти (*29 сентября 2017*) газета «КоммерсантЪ» сообщила о его задержании в Испании. Арнольда подозревали в отмывании денег и связях с солнцевской ОПГ. Тогда об Арнольде мне было известно лишь то, что он один из солнцевских.

«АиФ» выходит по средам, а к пятнице, как правило, основной массив материалов уже готов. Так было и в этот раз – за пять дней до выхода номера, в котором был размещен «Вопрос – ответ», содержащий информацию о романе Лолиты и Арнольда, принтерная копия последней полосы висела на стенде в секретариате редакции.

Любой сотрудник мог видеть и читать готовые к публикации материалы. В этот же день на мой мобильный позвонили с неизвестного номера, и вежливый мужской голос представился: «Владимир, привет. Это Арнольд Спиваковский. Слышал, там готовится какая-то статья про меня и Лолиту. Хотел бы поближе с тобой познакомиться, обсудить статью перед публикацией».

Приглашение Спиваковского «выпить чайку» не могло не вызывать серьёзной озабоченности. Перед тем как отправиться на «стрелку» в лобби-бар отеля «Рэдиссон Славянская» у Киевского вокзала, я зашёл к главному редактору и рассказал ему о грядущем «чаепитии». «Может, тебе охрану дать?» – предложил Старков. «Ну нет, Владислав Андреевич, это будет чересчур, – сказал я. – Вряд ли за невинную заметку мне грозит что-то серьёзное». После разговора с главредом я направился к одному из наших сотрудников, который занимался криминальной тематикой. И рассказал ему о своей встрече с Арнольдом. «Ничего себе! – нахмурился он. – Ну ты, это... держись там. Мы тебя, если что, прикроем». Как он меня прикроет, «если что», я не очень понимал. Я понял, что рассчитывать в этой ситуации можно было только на себя.

Едва я вошёл в лобби-бар отеля «Рэдиссон Славянская», как будто из ниоткуда возник и Арнольд в сопровождении двух огромных охранников-качков. Это производило впечатление. Но Спиваковский оказался очень любезным собеседником. Начал свою речь он с того, что коротко рассказал о себе и своём отце. «Мой папа работал главным редактором издательства «Советский писатель», – не без гордости сообщил мне он. – Я рос в интеллигентной семье, в писательском посёлке. А ты пишешь, что я бандит из солнцевской ОПГ». – «Ничего подобного, – сказал я. – Слова «бандит» в статье нет». – «Неужели?» – не поверил Арнольд. «Нет, – заверил я. – Я написал, что вы состоятельный человек, хорошо известный в солнцевских кругах».

В середине нашей беседы появилась Милявская, сильно похудевшая, бледная и, как мне показалось, заплаканная. Я её даже не сразу узнал. Как выяснилось чуть позже, после развода Лолита полтора месяца пролежала в больнице и была, можно сказать, на краю пропасти. У неё было нервное истощение, малокровие и язва.

«Володя, не уничтожайте меня своими статьями. Мне и так сейчас очень плохо», – попросила Лолита. «Да ничего такого я не писал, – я начал оправдываться. – Если хотите, могу ничего не публиковать». – «Ну, если ты написал так, как рассказал мне, и там нет слова «бандит», публикуй на здоровье, – разрешил Арнольд. – Мне сегодня вечером передадут копию этой статьи. Сразу же тебе позвоню».

На этом мы расстались. Вечером, как и договаривались, Арнольд мне перезвонил и дал добро на публикацию. Спустя несколько лет мы с ним пересеклись в подмосковном отеле «Ле Меридиан Москоу Кантри Клуб» на вечеринке «Серебряного дождя». Разговорились, как старые приятели. От Арнольда я узнал, что в нашей редакции у него были свои «глаза и уши». Журналист, специализировавшийся на криминальной тематике, сливал информацию о готовящихся публикациях. Спиваковский назвал имя этого человека. «Мы ему заплатили тогда семь тысяч долларов», – сказал мне Арнольд. «Ничего себе! – удивился я. – Так много. За такую мелочь».

Игорь Крутой – «человек с тонкой душевной организацией»

Владислав Старков требовал от меня «разгромных материалов о низкопробной попсе». Композитор Игорь Крутой, как участник дела «Академия» против «АиФ», тоже попал под эту раздачу. Я писал про то, что композитор, удовлетворяя запросы артистов, иногда не брезгует откровенным плагиатом. А в одной из рецензий, перегибая палку, утверждал, что «музыка Крутого по воздействию похожа на водку. Глотнёшь чуть-чуть, вроде веселит. Но если перепить, вас обязательно стошнит».

Такие публикации не могли остаться незамеченными. Однажды мне позвонил коммерческий директор АРСа Борис Крутоголов и пригрозил меня «кастрировать» за наезды на Крутого. Заметку о том, что журналисту «АиФ» угрожают физической расправой, мы опубликовали на первой полосе газеты. После чего звонки с угрозами прекратились. А в середине сентября 1999 года состоялось наше личное знакомство с Игорем Крутым.

В московском клубе «Куклы», который располагался в здании Театра кукол им. Образцова, проходила презентация дебютного альбома Алсу, куда был приглашен и я. В середине праздника в клубе появился Игорь Крутой в сопровождении партнёра по бизнесу и заместителя Вячеслава Кормильцева. Мы стояли с композитором Владимиром Матецким и о чем-то беседовали. Игорь Яковлевич стремительно направился в нашу сторону. Без прелюдий, не подбирая выражений, он высказал всё, что думает обо мне и моих статьях.

Он, скорее всего, ударил бы меня, если бы в клубе не было столько свидетелей. Владимир Матецкий, наблюдавший безобразную сцену, не сразу нашёлся, как реагировать на гнев коллеги. «Игорь, ну зачем ты так?» – пытался он снять напряжение. Но только подлил масла в огонь. Крутой продолжал меня поносить на чём свет стоит. Я стоял на ватных ногах. Одно дело получать угрозы на расстоянии, другое – вот так, face to face. Кто пережил 90-е, тот знает, что тогда слова редко расходились с делами. «Тебе надо помириться с Игорем», – сказал мне Матецкий, когда после пятиминутки ненависти Крутой удалился поздравлять Алсу. В тот момент я слабо себе представлял, как это – «помириться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.